

УДК 821.161.1-1

АНАСТАСИЯ ЧЕБОТАРЁВА

(Полтава)

ПОЭТИЧЕСКИЙ МИР В ЦИКЛЕ «АРМЕНИЯ» О. МАНДЕЛЬШТАМА

Ключові слова: ліричний герой, образ автора, художній образ, поетика, символ, деталь.

После выхода из печати книги «Стихотворения» и сборника статей «О поэзии» в 1928 году О. Мандельштам как поэт надолго замолчал. Вместе со своей семьей он боролся с материальными трудностями, переезжал с квартиры на квартиру, искал способы заработать на жизнь. В 1929-1930-м годах он работал в редакции газеты «Московский комсомолец», где вел еженедельную «Литературную страницу» и заведовал отделом поэзии. Но стихотворений не писал. По воспоминаниям Э. Герштейн, «он стал ненавидеть письменный стол» [2, с. 16]. О. Мандельштам остро ощущал усиление тоталитарного давления в области культуры и не принимал «массовую литературу» того времени, создаваемую «под заказ»: «Я один в России работаю с голоса, а кругом густопсовая сволочь пишет. Какой я к черту писатель! Пошли вон, дураки!» [4, с. 92].

Период длительного молчания прервала его поездка с женой в Сухум, Тифлис, а потом в Ереван. Пребывание поэта в Армении нашло отражение в его творчестве, благодаря ему поэт снова стал писать. Поэтому данная статья посвящена поискам новых средств изображения мира и лирического героя в цикле «Армения» О. Мандельштама. Объект исследования – лирические произведения поэта цикла «Армения». Предмет исследования – поэтический мир О. Мандельштама, способы его создания, функции и эволюция в цикле «Армения». Цель статьи – анализ поэтического мира в цикле О. Мандельштама «Армения».

В апреле 1930 года поэт узнал о смерти В. Маяковского. Эта весть, как Мандельштам писал в набросках к «Путешествию в Армению», «стеснила дыхание и оставила соленый вкус во рту» [4, с. 358]. Б. Кузин, с которым он познакомился в Армении, вспоминал, что поэт вместе с женой мечтал выучить армянский язык и как можно дольше не возвращаться в Россию: «Только в обстановке древнейшей армянской культуры, через вращение в жизнь, в историю, в искусство Армении <...> может наступить конец творческой летаргии. Возвращение в Москву исключено абсолютно» [3, с. 165]. Хотя О. Мандельштам не смог остаться в Армении, эта страна дала поэту творческое возрождение и вдохновение для написания нового поэтического цикла «Армения» (1930-1931). В мае 1933-го года в журнале «Звезда» было опубликовано «Путешествие в Армению» О. Мандельштама. И тут же появились разгромные отзывы на мандельштамовскую прозу в «Литературной газете» и в «Правде». «От образов Мандельштама пахнет старым, прелым, великодержавным шовинистом, который, расточая

похвалы Армении, хвалит ее экзотику, ее рабское прошлое, ибо о настоящем не написал ни строки Мандельштам. Старый петербургский поэт-акмеист О. Мандельштам прошел мимо бурно цветущей и радостно строящей социализм Армении» [4, с. 421], – писал критик С. Розенталь. Главного редактора «Звезды» Ц. Вольпе сняли с должности, а корректура книжного издания «Путешествия в Армению» была заморожена.

В цикле «Армения» нашла отражение новая поэтика О. Мандельштама, которая свидетельствовала об изменениях в мировоззрении поэта и об эволюции его лирического героя. С. Аверинцев отмечал: «Встреча с древней армянской культурой становится для него одним из формирующих жизненных впечатлений» [1, с. 257]. Несмотря на обвинения критиков в отходе от современности и непонимании действительности, цикл «Армения» написан на основе непосредственных впечатлений поэта от знакомства с бытом, историей, языком и культурой древней страны. В цикле создан обобщенный образ «чужого» пространства, которое лирический герой осваивает через природу и искусство и которое постепенно становится для него родным, давая прилив творческих сил.

Большинство стихотворений об Армении написано в возвышенном, торжественном стиле, с пафосной риторикой, что отражает восторг поэта перед прекрасным краем и населяющим его народом, сохранившим в себе верность традициям и любовь к жизни. Можно говорить о неоромантическом характере лирического героя О. Мандельштама в данном цикле. Лирический герой ощущает слияние с армянской природой, погружается в историческое прошлое, постигает культурные достижения Армении. И в этом находит свой идеал.

В «Путешествии в Армению» О. Мандельштам объяснял, какие чувства он испытывал в процессе освоения древней страны: «Нет ничего более поучительного и радостного, чем погружение себя в общество людей совершенно иной расы, которую уважаешь, которой сочувствуешь, которой вчуже гордишься. Жизненное наполнение армян, их грубая ласковость, их благородная трудовая кость, их неизъяснимое отвращение ко всякой метафизике и прекрасная фамильярность с миром реальных вещей – все это говорило мне: ты бодрствуешь, не бойся своего времени, не лукавь... Не оттого ли, что я находился в среде народа, прославленного своей кипучей деятельностью и, однако, живущего не по вокзальным и не по учрежденческим, а по солнечным часам, какие я видел на развалинах Звартноца в образе астрономического колеса или розы, вписанной в камень?» [5, с. 146]. Поэтика цикла «Армения» чужда метафизики, какой-либо абстрактности, отвлеченности. Поэт наполняет свои образы живым дыханием прошлого и современности. А лирический герой переживает внутреннее обновление в процессе освоения «мира реальных вещей».

Армения становится не только объектом для созерцания лирического героя, но и его собеседником, поводом для психологических, философских и эстетических рефлексий. Поэтому во многих стихотворениях введен поэтический диалог лирического героя с персонифицированным образом Армении (Еревана):

*Ах, Эривань, Эривань! Иль птица тебя рисовала,
Или раскрашивал лев, как дитя, из цветного пенала?
Ах, Эривань, Эривань! Не город – орешек каленый.
Улиц твоих большеротых кривые люблю вавилоны [6, с. 247].*

Формы обращения, риторические вопросы и восклицания, местоимение «ты» значительно сокращают дистанцию между лирическим героем и новым для него пространством, где лирический субъект наполняется не только новыми впечатлениями, но и обретает творческие силы для жизни.

В изображении Армении О. Мандельштам прибегает к приему совмещения различных временных и культурных планов, что позволяет поэту создать многокрасочный образ древней земли. Так, уже в первом стихотворении цикла «Ты розу Гафиза колышешь...» соединены пласты настоящего («Окрашена охрою хриплой»), литературного и религиозного прошлого («Ты розу Гафиза колышешь», «Плечьми осмигранными дышишь / Мужичких бычачьих церквей») и будущего («И нянчишь зверушек-детей»). Примечательно использование глаголов движения в настоящем времени («колышешь», «дышишь», «нянчишь» и др.), что позволяет поэту создать образ не застывшей, а живой субстанции, которая и через столетия не утратила способности к движению и обновлению.

Обратим внимание на романтический образ розы, характерный для лирики Гафиза и перенесенный О. Мандельштамом в настоящее время. Этот образ в лирике Гафиза имел разные значения, которые О. Мандельштам превратил в новые «пучки смыслов» в цикле «Армения». В стихотворении «Ты розу Гафиза колышешь...» роза является символом слияния реального мира и пространства культуры. В стихотворении «Закутав рот, как влажную розу...» роза становится символом тленности, но не безысходности. Каждое цветение, по мысли поэта, таит в себе умирание, а затем – новое возрождение и цветение. В стихотворении «Руку с платком обмотай и в венценосный шиповник...» роза является символом гармонии природы и вместе с тем хрупкости, быстротечности жизни: «Добудем розу без ножниц. Но смотри, чтобы он не осыпался сразу – / Розовый мусор – муслин – лепесток соломоновый...» [5, с. 281]. Упоминание библейского имени царя Соломона, одного из героев «Песни Песней», придает образу розы дополнительное значение – символа любви и красоты.

Стихотворение «Холодно розе в снегу...» построено на контрасте холодного и теплого, живого и мертвого, вечного и тленного. Лирический герой воспринимает мир в его противоречиях и разнообразных проявлениях. Роза как символ красоты и вместе с тем незащищенности перед природными стихиями становится аллегорическим воплощением внутреннего состояния лирического героя, который еще ощущает душевный холод, но вместе с тем радуется новой жизни. Прием психологического параллелизма «Холодно розе в снегу» – «Мне холодно. Я рад...» помогает раскрыть изменения в сознании лирического героя, который, несмотря на все испытания, ощущает радость и жажду жизни.

Характерным для лирического цикла «Армения» становится и образ ребенка (детей), который также непосредственно связан с образом лирического героя и символизирует его духовное обновление, начало новой жизни,

обретение нового смысла мира. Образ ребенка (детей) был символическим воплощением будущего в стихотворении «Нашедший подкову». В первом же эссе «Путешествия в Армению» О. Мандельштам писал об армянских детях: «Не менее семидесяти процентов населения острова (Севан) составляли дети. Они, как зверьки, лазили по гробницам монахов, то бомбардировали мирную корягу, приняв ее студеные судороги на дне за корчи морского змея, то приносили из влажных трущоб буржуазных жаб и ужей с ювелирными женскими головками, то гоняли взад и вперед обезумевшего барана, который никак не мог понять, кому мешает его бедное тело...» [5, с. 141].

В стихотворение «Ты розу Гафиза колышешь...» введена метафора «ты нянчишь зверушек-детей», в которой акцентировано слияние человека и природы, а также заложена идея будущего Армении. Вместе с тем, если соотносить эту метафору с изображением века (век-зверь) и с мотивами дикости (скифства) в предыдущем цикле О. Мандельштама «1921-1925», то можно утверждать, что в цикле «Армения» поэт переосмысливает время как историческое и социальное понятие, а также взаимоотношения лирического героя со своей эпохой.

Непосредственное детское восприятие, удивление миром, живая связь с действительностью становятся отличительными чертами лирического героя цикла об Армении. Он, как ребенок, учится заново говорить (по-армянски, чтобы по-новому воспринять мир), осваивает живой и движущийся мир в предметных образах, собственно говоря, лирический герой О. Мандельштама через прикосновение к истории, природе и культуре Армении учится заново жить. Эта мысль звучит в стихотворении «Ах, ничего я не вижу, и бедное ухо оглохло...». Сюжет произведения составляет внутренний переход лирического героя от состояния «немоты», «глухоты», «незрячести» к обретению полноты жизни, которую ему дала Армения. В самом начале стихотворения автор акцентирует утрату лирическим героем зрения («ах, ничего я не вижу»), слуха («бедное ухо оглохло»), красок жизни («всех-то цветов мне осталось лишь сурик да хриплая охра»). Сон об Армении вдохнул новые силы в душу лирического героя. Он вновь получает возможность видеть, осязать, наслаждаться всеми красками реальной действительности:

*И почему-то мне начало утро армянское снится;
Думал – возьму посмотрю, как живет в Эривани синица,
Как нагибается булочник, с хлебом играющий в жмурки,
Из очага вынимает лавашные влажные шкурки... [6, с. 246-247].*

Бытовые детали, вещные предметы, явления природы и человеческого существования имеют для лирического героя эстетическое значение. Поэзия жизни запечатлена О. Мандельштамом в едином нерасчлененном потоке, и лирический герой – живая и органическая часть этого движущегося потока. Под влиянием нового открытия жизни лирический герой переосмысливает свое прошлое и делает для себя важный онтологический вывод:

*Я бестолковую жизнь, как мулла свой Коран, замусолил,
Время свое заморозил и крови горячей не пролил.
Ах, Эривань, Эривань, ничего мне больше не надо,
Я не хочу твоего замороженного винограда! [6, с. 247].*

Лирический герой делает выбор в сторону приятия жизни, обретения ее полноты, сочности и красочности, что подчеркивает отказ от «замороженного винограда». Образ винограда в цикле «Армения» наполняется новым содержанием – это символ живой реальности, дающей духовный рост и творческие силы личности.

Если в цикле «1921-1925» О. Мандельштам опасался «глухоты мира», то есть утраты «смысла существования», то в цикле об Армении мир «звучит» в полный голос. Лирический герой впитывает в себя звуки и мелодии мира, ощущая себя его составной частью. Мифологема «камень», которая проходит через все поэтическое творчество О. Мандельштама, наполняется «звучащим» смыслом. Армения представляется лирическому герою государством «орущих камней», зовущей к оружию «хриплые горы», летящей к «трубам серебряным Азии» (стихотворение «Орущих камней...»). В самом слове «Армения» поэт усматривает звуковую аллегорическую многообразную картину мира. Таким образом, камень как символ истории, культуры, вещного мира обретает новое бытие, наполняясь живым содержанием. Для лирического героя нет границ между прошлым и настоящим, между реальным миром и миром культуры. Все это живет и перекликается разными голосами в его поэтическом восприятии.

Наполнение мира разнообразными звуками и мелодиями, которые в художественном сознании О. Мандельштама ассоциируются с реальным существованием, с жизнью культуры и природы, свидетельствует об открытии лирическим героем себя, мира, смысла существования. Лирический герой слышит музыку везде – в горах, в потоках воды, в «нищенском селенье», в развалинах древних храмов.

Мир Армении показан не в привычной для О. Мандельштама объективированной манере, как это было в ранних сборниках поэта, а в непосредственном восприятии, впечатлениях и ассоциациях лирического героя. В «Путешествии в Армению» О. Мандельштам много писал о французских художниках-импрессионистах и о технике импрессионизма, которую он переносит и в свою поэзию. Размышляя над книгой Синьяка в защиту импрессионизма, писатель осмысливает «закон оптической смеси», важность работы мазками и употребления одних чистых красок спектра. «При первых же звуках этой бодрящей и укрепляющей нервы теории я почувствовал дрожь новизны, как будто меня окликнули по имени... Мне показалось, будто я сменил копытообразную и пропыленную городскую обувь на легкие мусульманские чуваки... К тому же легкость вторглась в мою жизнь, как всегда сухую и беспорядочную...» [7, с. 148], – писал О. Мандельштам.

Мир Армении предстает в ярких красках и звуках. «Ты красок себе пожелала...» – так многозначительно называется одно из стихотворений О. Мандельштама. Поэт словно создает живописное полотно отдельными, но выразительными мазками (словесными средствами). Предметы и явления у него не просто называются, а расцветены тропами и фигурами, создающими необычайной красоты узор. В эссе «Разговор о Данте» (1933), написанном почти сразу же после цикла об Армении, О. Мандельштам писал: «Поэтическая речь есть ковровая ткань, имеющая множество текстильных основ, отличающихся друг от друга только в исполнительской окраске, толь-

ко в партитуре... Она прочнейший ковер, сотканный из влаги, – ковер, в котором струи Ганга, взятые как текстильная тема, не смешиваются с пробами Нила или Евфрата, но пребывают разноцветны – в жгутах, фигурах, орнаментах... Орнамент тем и хорош, что сохраняет следы своего происхождения, как разыгранный кусок природы. Животный, растительный, степной, скифский, египетский – какой угодно, национальный или варварский, – он всегда говорящ, видящ, деятелен. Орнамент строфичен. Узор строчковат» [5, с. 222].

Яркая картина, созданная поэтом с помощью желтых, голубых, зеленых красок, живая и движущаяся, отличается в сознании лирического героя от того «другого» мира, к которому он принадлежал раньше и только сейчас осознал его фальшивость.

*Окрашена охрою хриплой,
Ты вся далеко за горой,
А здесь лишь картинка налипла
Из чайного блюдца с водой [6, с. 245].*

Образ лирического героя отчетливо выделяется на фоне созданной поэтом цветистой картины. Невидимыми нитями он связан с предметами и явлениями, и обретение этой связи для поэта важнее, чем сами предметы и явления. Его лирический герой, наконец, смог наполнить грудь воздухом свободы и обрести новую жизнь.

Обратим внимание на то, что в цикле об Армении большую смысловую нагрузку несут динамические образы – струящейся воды, играющих детей, летящих птиц, которые воплощают и движение самой жизни, и изменения в душе лирического героя. Кстати, одним из эстетических принципов импрессионизма является изображение движущейся природы в ее реальных формах, в нерасчлененном потоке.

То, что в сознании лирического героя происходят значительные перемены, подчеркивается и целым рядом гипербол: «весь воздух выпила огромная гора», «гора плывет к губам», «снег в три аршина», «рулоны каменного сукна», «виноградины с голубиное яйцо», «улиц твоих большеротых кривые люблю вавилоны» и др.

Сферы природы, истории, культуры и реальной жизни максимально приближены к лирическому герою. Армянское небо кажется ему «близоруким», Арарат – «дорожным шатром», земля – «книгой, по которой учились первые люди» (стихотворение «Я тебя никогда не увижу...»).

В финале цикла об Армении выражена идея зодчества:

*Лазурь да глина, глина да лазурь,
Чего ж тебе еще? Скорей глаза сощурь,
Как близорукий шах над перстнем бирюзовым,
Над книгой звонких глин, над книжною землей,
Над гнойной книгою, над глиной дорогой,
Которой мучимся, как музыкой и словом [6, с. 251].*

Символические образы глины и лазури в цикле «Армения» слиты воедино как строительные материалы мира. В этих образах воплощена орга-

ническая связь верха и низа, земли и неба (глина – знак земли, низа, а лазурь – верха, неба). Они символизируют все мироздание, к которому, согласно художественной концепции О. Мандельштама, принадлежат реальные явления, природа, культура, человек в их неразрывном единстве. Образ книги, возникающий в метафорических сочетаниях «книга звонких глин», «книжная земля», «гнионая книга», является символом творческого начала мира и творческого начала лирического героя, мучающегося «музыкой и словом». Соединение понятий «музыка» и «слово» воедино – еще одно свидетельство освоения О. Мандельштамом принципов импрессионизма.

К циклу «Армения» примыкает ряд стихотворений, где также возникает образ древней страны, ее культуры и языка. Однако в них уже нет той гармонии и целостности мира, как в лирическом цикле. Лирический герой с болью переживает преследования со стороны чиновников, удушливую атмосферу времени. В стихотворении «Дикая кошка – армянская речь...» возникают мотивы болезни и близкой смерти. Речь лирического героя сбивчива, насыщена страшными гротескными образами: падают вниз с потолка жуки, ползают мухи по липкой простыне, полки птиц «маршируют повзводно». Даже армянская речь воспринимается как «дикая кошка», которая «мучит и царапает ухо». Окружающий мир враждебен к лирическому герою, он «колет», «режет» и «царапает». О. Мандельштам фиксирует необратимые трансформации, происшедшие в человеческом обществе:

*Были мы люди, а стали людье,
И суждено – по какому разряду? –
Нам роковое в груди колотьё
Да эрзерумская кисть винограду [5, с. 289].*

То, что лирический герой в начале стихотворения говорит от себя лично, а потом от имени «мы», свидетельствует о том, что поэт не отделяет себя от своей эпохи и от своей страны. Трагическое осознание духовной деформации мира еще отчетливей для него на фоне увиденной красоты Армении.

Усиление мотива дикого, звериного начала наблюдается в стихотворении «И по-звериному воет людье...». На пути к Эрзеруму лирический герой наблюдает «мир наоборот» – мир перевернутых ценностей и понятий: «И по-звериному воет людье, / И по-людски куролесит зверье» [5, с. 290].

Образ Армении в стихотворении «Колючая речь араратской долины...» лишен красоты и гармонии. Поэт использует тропы, которые связаны с субъективными переживаниями лирического героя, ощущающего свою незащищенность и отчужденность в мире: «колючая речь араратской долины», «дикая кошка – армянская речь», «хищный язык городов глинобитных», «речь голодающих кирпичей». Образ глины, наполненный созидательным содержанием в цикле «Армения», предстает мертвым и безжизненным: «черной кровью запекшихся глин». И даже небо, ярко сияющее лазурью в других стихотворениях, здесь «слепорожденная бирюза». Образ книги, который возник в финале цикла «Армения», оказывается «непрочитанным» и «пустотелым», что является символом духовного обнищания мира.

Таким образом, в поэзию О. Мандельштама вновь возвращаются мотивы болезни, искаленной природы, смерти, что свидетельствует о трагиче-

ском прозрения лирического героя, его возвращении из поэтического мира Армении к реальной действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверинцев С. С. Поэты / С. С. Аверинцев*. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 364 с.
2. *Герштейн Э.* Новое о Мандельштаме / Э. Герштейн // *Наше наследие*. – 1989. – № 5. – С. 16.
3. *Кузин Б.* Воспоминания / Б. Кузин // *192 письма к Б. Кузину / Мандельштам Н.* – СПб. : Искусство, 1999. – С. 165.
4. *Мандельштам О.* Лирика / О. Мандельштам. – Мн. : Харвест; М. : ООО «Издательство АСТ», 2002. – 432 с.
5. *Мандельштам О.* Собрание сочинений в 4-х томах. / О. Э. Мандельштам. – М. : ТЕРРА, 1991. – Т. II. – 730 с.
6. *Мандельштам О. Э.* Избранное / О. Э. Мандельштам. – [состав., автор предисл. и коммент. П.М. Нерлер]. – М. : ПС Интерпринт, 1991. – 480 с.
7. *Мандельштам О. Э.* Четвертая проза / О. Э. Мандельштам – М. : СП Интерпринт, 1991. – 240 с.

АНАСТАСИЯ ЧЕБОТАРЕВА

ПОЭТИЧЕСКИЙ МИР В ЦИКЛЕ «АРМЕНИЯ» О. МАНДЕЛЬШТАМА

Статья посвящена рассмотрению цикла «Армения» О. Мандельштама. Его новая поэтика свидетельствует об изменениях в мировоззрении поэта и эволюции его лирического героя. Поэт делает новый шаг к освоению реальной действительности через природу, историю, искусство. Армения становится не только объектом для созерцания лирического героя, но и поводом для психологических, философских, эстетических рефлексий.

Ключевые слова: *лирический герой, образ автора, художественный образ, поэтика, символ, деталь.*

ANASTASIYA CHEBOTAROVA

POETICS WORLD IN THE CYCLE OF «ARMENIA» BY O. MANDELSHTAM

The article deals with the cycle of «Armenia» by Osip Mandelstam. His new poetics indicate the changes the poet's view and the evolution of his lyrical hero. The poet makes a new step towards the development of reality through nature, history and art. Armenia is not only the object for lyrical contemplation, but it is the reason for the psychological, philosophical and aesthetic reflections.

Key words: *lyrical hero, image of author, artistic image, poetics, symbol, detail.*

Одержано 21.03.2011 р., рекомендовано до друку 25.05.2011 р.